

шусь к ее уходу из жизни точно так, как она отнеслась к кончине своего мужа. Татьяна предстала перед Господом по Его воле, и сейчас находится в достойном месте. Она воспитала прекрасного сына. Она выполнила свой научный долг. Она с достоинством завершила земные дела.

Е.И. Владимиров, Ж.К. Владимирова

«ДНИ ТВОРЕНИЯ»

Ленинград. 1980 год. 2 ноября. Выставка на домашних стенах — «В доме на Литейном». На страницах альбома для зрителя-почитателя — запись Тани Бернштам: «Сказать можно много, но смотрящее на нас погружает в тишину. Первое и главное впечатление — погруженности и сопричастности. С ним пока и остаюсь. И какая радость Жене — знать все это! Спасибо. Татьяна Бернштам».

Через месяц в Москве выходит книжка «Дикорастущие съедобные растения в нашем питании». Около ста растений рассказывают о себе цветами, плодами и листьями, красками весны и осени. Моя первая книжка — иллюстрации растений.

Через год в Центральном Доме литераторов, а затем — и в Доме архитекторов состоится персональная выставка «Дикорастущая флора», и московский зритель увидит сосны Мельничного Ручья, березы старых усадеб, снегом засыпанные яблоневые сады, кувшины с красной рябиной, пастельный лист маков и первые акварели коктейльской зимы 1973 года. Это неполное содержание того, что смотрело на Таню, что погружало ее в тишину природного мира, в тишину смотрящего на нее графического листа.

1987 год. Татьяна Александровна гостит в Крыму, на Карадаге. Живет у нас, становится участницей и зрителем большой композиции с чайными подносами, плодами айвы, гранатами и керамикой. Ее меткое слово дало имя картону — «Соборный натюрморт». Название так и пристало к работе. И на десятилетие стало темой натюрмортов: «Тыквы и виноград», «Подсолнухи», «Мамины груши», «Чайный столик» и другие.

1995 год. Таня вступает в диалог с художником перед предстоящей выставкой в Феодосийской картинной галерее и в Петербурге пишет для каталога выставки уникальное эссе — «Дни творения».

Выставка 1996 года «Не то, что мните вы, природа...» тютчевской строкой открывает строгий черно-белый буклет художника. И среди имен искусствоведов, учителей и давних друзей моих — доктор исторических наук, этнограф Российской академии наук Татьяна Александровна Бернштам. Ее слово из глубокой тишины мироздания вновь строка за строкой воплощает облик талантливого и доброго знака человеческой природы.

Для человека, не только не принадлежащего к братии профессионалов-художников, но даже не являющегося искушенным дилетантом в области живописи, промыслительный характер личной встречи с мастером, как мировоззренчески-символического диалога, выступает в максимально «очищенном» виде. Тем более что диалог — ныне уже путь длиною в 15 лет. Постигание — развертывание во времени и пространстве смысла этого пути (по крайней мере, для себя, как одного из свидетелей движения художника) — я и сделала содержанием юбилейного «тоста» в честь Евгения Владимировича.

Неслучайность встречи с художественным мировидением Евг. Владимировича я смутно прозрела с осенней домашней выставки в двух комнатах на Литейном — не первой в истории общественной «презентации» его работ и первой для меня, — на которую была приглашена «по случаю». Чувство одиночества среди незнакомых людей вскоре незаметно сменилось ощущением причастности к обступившей со стен и будто бы увеличенной под микроскопом тайне подробностей растительного царства — корней, стволов, крон и ветвей деревьев, трав, цветов. Рисунки поражали повторяемостью и вместе с тем многообразностью растений, которые возбуждали вопросы о смысле изображений себя... Я ответила на них примерно так: художнику дан дар стихийного природного первознания, из которого он выбирает и воплощает множественность преимущественно радостного, светлого и доброго начала. Иными словами, Женя Владимирович вошел в мое художественное сознание, выражаясь поэтическим символом Б. Пастернака, как «всесильный бог деталей», порождающий их более по наитию и желанию «освободиться» от переполненности, нежели по обдуманности творческого замысла. Это было созвучно моему тогдашнему восприятию мира, что, я думаю, и стало залогом продолженного уже дружеского разговора и с Женей, и с его ревностным земным «ангелом-хранителем» — женой

Жанной, несомненно играющей — по праву физического и душевного сотрудничества в сложном «жизнейском море» — большую роль в творческих исканиях и борениях мужа.

Пройдя за эти годы собственный мировоззренческий путь, я увидела в творчестве Жени Владимирова индивидуальную «репродукцию» дел Творца в третий день творения мира. «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша... / И назвал Бог сушу земле, а собрание вод назвал морями... / И был вечер. И было утро: день третий» (Бытие I, 9–13). Обращает на себя внимание некоторая инверсия в последовательности творения природных объектов художником по сравнению с порядком в книге «Бытие». Бог вначале создает сушу=землю и воду=морья, а затем — растительность; Женя начинает с творения растительности (конец 60-х — 80-е годы), затем переходит к земной тверди, преимущественно в виде гор (в частности, так называемый им «песчаный цикл» начала 90-х годов) и в настоящее время обратился к воде-морю.

Можно ли как-то интерпретировать этот, несомненно, неслучайный выбор и другой порядок «третьего дня»? Осмелюсь предложить один из возможных вариантов объяснения, так сказать, духовного (религиозного) свойства.

Я далека от мысли, что созидательным стимулом Евг. Владимирова является какая-либо прагматическая или внешняя идея, им постоянно «руководят» некие, быть может, не вполне им осознанные, внутренние процессы. Он живет природно и идеалистично: нашел свое соприродное место под солнцем в Крыму, работает — не работает, пишет — не пишет циклами, ритмично, переживая новые видения окружающего мира и меняя соответственно им способы выражения (материал, манеру письма, колорит и проч.), редко фиксирует свои произведения во времени (не ставит на них даты), не расстается с большинством из них, несмотря на жизнейские тяготы. Художник верен изначальному происхождению — импульсам своего творчества. Он представляется мне субъектом и одновременно — отражателем или носителем первобытной одушевленности (пантеизма) предметных сущностей природы: опять же неслучайно мир Евг. Владимирова не населен ни одним из обитателей небесной, водной и земно-растительной сфер с «душой живой».

Такая альтруистическая верность чувственному сопереживанию с одушевляемой природой, с одной стороны, не может не вызвать уважения и интереса как собственный неповторимый «голос в хоре», но, с другой стороны, не может не быть остановкой в творчестве, сказываясь, прежде всего, в «невидимых миру слезах» и невольной несвободе

в оценке своего духовно-нравственного потенциала и воздействия его работ на зрителей, начиная со старых и верных. Женя — безусловно, добрый и красивый человек и художник, но его творчество не столь адекватно (прямолинейно), что естественно: он воссоздает (стремится воссоздать) добро и красоту природы, которая — увы! — грешна с момента падения человека. Поэтому, хочет он или не хочет, но в его рисунках множатся не только светлые, отдохновенные аспекты природного бытия, но и темные, тревожные, иногда — угрожающие. Известное нарастание последних видится мне и в порядке творения художника «вспять» (в сравнении с Богом), от растительности к морской стихии, являющейся в Библии, Евангелии и во многих мировых мифологиях символом враждебной Богу и жизни силы.

Бесспорно, все это лишний раз доказывает истинность таланта Евгения Владимировича и приверженность своему призванию. Поэтому «тост» хотелось бы заключить оптимистическим призывом к обновлению души художника и творчества художника путем стяжания им Духа Святого!

Сохранился подлинник текста. Пожелтевший лист цвета пергамента, лиловые академические чернила. Помню, как жадно вчитывался я в текст письма, где перо ровно бежало по чистому полю страницы, редко оставивалось в тишине рожденного слова, иногда возвращалось и выправляло его значение и стремилось вперед за рождающимися образами...

2003 год. Выставка в Симферополе, в Художественном музее — «Вы зрите лист и цвет на древе...». Вновь Федор Иванович Тютчев. Экспозиция небольшая. Первоначальное название ее — «Из домашнего альбома». Искусствовед музея Рудольф Трофимович Подуфальный отметил тогда, что здесь угадываются мотивы восточного искусства — «жанра цветов и плодов». Отсюда органичность синтеза графики и поэзии, сопровождавшей рисунки. Экспозиции предпосланы высказывания разных лет о художнике. Среди них — слова Т.А. Бернштам (ноябрь 1995 г.):

Художнику дан дар стихийного природного первознания, из которого он выбирает и воплощает множественность преимущественно радостного, светлого и доброго начала <...> Женя Владимирович вошел в мое художественное сознание, выражаясь поэтическим символом Б. Пастернака, как «всесильный бог деталей». <...> Я увидела в творчестве Жени Владимировича индивидуальную «репродукцию» дел Творца в третий день творения мира.

Три десятилетия имя Тани, встречи с ней, чаепития в уютном доме этнографа, короткие и редкие письма к нам, встречи в Музее на Неве, книги, статьи Татьяны Александровны, ее содержательные, образные рассказы об экспедициях, людях северных широт, северных обрядах, последняя книга о поморах — много и мало... до боли мало, из того, что отдано Таней всем любящим и помнящим ее.

Карадаг — 2009
Санкт-Петербург — 8 февраля 2010

Протоиерей Виктор

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

С Татьяной Александровной Бернштам (11. XI. 1935 — 13. IV. 2008) я познакомился в конце 1990-х, когда служил в храме св. вмч. Димитрия Солунского в Коломягах. Сначала я познакомился с ее мужем Александром Васильевичем Корниенко. Он обратил на себя мое внимание глубоким молитвенным чувством и благоговейным отношением к храму. Александр неоднократно приходил сначала ко мне на исповедь, и от исповеди к исповеди мы с ним духовно становились все ближе и ближе. Какого-либо специального высшего образования он не имел, но очень интересовался наукой, был начитанным, вдумчивым и вообще очень любознательным человеком. От него я узнал, что доктор исторических наук Бернштам, крупный ученый, этнограф и фольклорист, была автором 120 научных публикаций.

Немного позже стала приходиться ко мне исповедоваться и сама Татьяна Александровна, причем ее исповедь всегда отличалась глубиной покаянного чувства и твердым желанием исправить свою жизнь. Александр очень нежно и трепетно относился к «своей Танюше», как он любовно ее называл, и порой был первым слушателем и критиком ее научных публикаций. Но, к сожалению, Александр как-то быстро заболел и тихо угас. Татьяна Александровна очень тяжело перенесла эту утрату¹...

¹ Впоследствии одну из своих книг она посвятила его памяти.